

II.

В. Д. Стельмах

Книгу – в массы! Из российского опыта продвижения чтения*

Историки с уверенностью свидетельствуют, что в России литературе всегда было отведено центральное место в культуре: еще Древняя Русь «прокладывала свой путь к цивилизации, опираясь прежде всего на книгу», книга была «порой единственным строителем духовной жизни русичей», а отсылка к письменному слову – «главным аргументом в стране, где не было пророков и апостолов христианства, учивших бы народ живым примером». Известный исследователь чтения XIX века С.А. Ан-ский (Раппопорт) утверждал, что еще допетровская литература со старой печатью получала в глазах народа «высокое, чуть ли не религиозное значение».

В советское время, когда были уничтожены все другие институты, задающие нравственные ценности и нормы (церковь), где отсутствовала система объективной информации, мессианская роль литературы еще более возросла. Это было не только продолжением традиции, но и попыткой общества дистанцироваться от государственной идеологии, найти свой собственный ценностный фундамент. Авторитет печатного слова в этот период был чрезвычайно высок, а писатель был возведен в ранг учителя и пророка.

Таким образом, хотя общество (его прогрессивные слои) и государство по-разному использовали силу и авторитет литературы (для одних она была зоной свободы, для других – средством коммунистического воспитания масс), они вместе, сверху и снизу, создавали культ книги и чтения.

Способы достижения этой цели государством были многообразны, но все они в конечном счете выражались в культовой разметке общественного и культурного пространства.

Это был, например, продуманный бытовой и уличный книжный дизайн: знаменитые рекламные «книжные» плакаты 20-х годов (как их называли в народе – «картины в красках нового изображения для украшения дома, раз не

**Работа печатается в сокращении. Полностью опубликована в книге: Как создаются читающие нации : опыт, идеи, образцы : сб. материалов // Ред.-сост. В. Д. Стельмах, Дж. Я. Коул. – М. : НФ «Пушкинская библиотека» ; Белый город, 2006.*

веруешь в бога»), которые продолжали традицию «художественных афиш» А. Н. Бенуа, М. А. Врубеля, И. Я. Билибина и русского лубка. Сегодня это признанные классические образцы книжной символики. Это были и книжно-библиотечные афиши на уличных тумбах, на столбах, в наиболее посещаемых местах, «книжные» наклейки на товары массового потребления, книжные почтовые марки и штемпеля, обязательные портреты классиков, сначала «сброшенных с корабля современности», но затем вернувшихся на стены библиотек, учреждений и общественных центров. Методисты рекомендовали проводить конкурсы на лучшие выставки книг в витринах магазинов и в окнах, предлагали использовать опыт продажи трамвайных билетов с правом остановки на несколько часов без доплаты у библиотек и книжных магазинов. Выпускались образцы «речевок» и лозунгов, которые должны были использоваться не только к революционным праздникам и культурным мероприятиям, но и повседневно: «Пролетарий, вооружайся книгой!»; «Знайте, товарищ, девиз наших дней — книжная полка и книги на ней!»; «Молодежь построит жизнь иную, книга должна заменить пивную!» и др. В последующие годы наш глаз постоянно «наткался» на уличные растяжки и лозунги: «Любите книгу — источник знаний», «Книга — лучший подарок» и многие другие — надоевшие, вызывавшие насмешки образованной части общества, простые до примитивизма, но тем не менее автоматически усваиваемые.

Знаковой практикой стало регулярное издание массовыми тиражами антологий и сборников цитат о книге и чтении для введения их в повседневный речевой оборот: «Похвала книге», «Слово о книге» (1969 г.), «Слово о книге» (1984 г.), «Сто стихотворений о книге», «НОМО LEGENS — Человек Читающий», «Очарованные книгой» и др.

Аппаратные мероприятия Союза писателей (писательские съезды, пленумы правления и др.) преподносились как общественно значимые события, не говоря уже о литературных юбилейных датах, которые становились государственными праздниками и долгосрочными кампаниями (например, 150-летие со дня рождения А.С. Пушкина). Выступления писателей или их высказывания публиковались в центральных периодических изданиях, транслировались по ТВ и радио и т. д. Книжные мероприятия (например, Неделя детской книги) проходили в самых престижных залах столицы (Колонный зал) и других городов.

Партийные, государственные и общественные деятели в своих установочных докладах и речах также никогда не забывали процитировать кого-либо из классиков, сослаться на литературные авторитеты, подчеркнуть роль книги в достижении национально значимых целей (именно так родилась идеологема «Советский народ — самый читающий народ в мире»; эти слова, произнесенные Л.И. Брежневым с трибуны партийного съезда, были немедленно подхвачены и усвоены, поскольку этот «Я-образ» компенсировал коллективный комплекс собственной нищеты и бесправия, социальной и экономической отсталости — «зато мы много читаем»).<...>

Однако по мере все более исступленного восхваления «Большого Читателя» интересы и запросы реальной читательской аудитории становились все менее значимы.

В первые послереволюционные годы, когда еще не было четкого понимания того, какую книгу издавать для малограмотного населения, в центре внимания были сбор отзывов и писем из деревни, выпуск книг с чистыми листами в конце, на которых читатель мог выразить свое мнение и отправить его издателю (корреспонденция принималась без марок). Обычной практикой были читательское рецензирование рукописей, обсуждения с читателями готовящихся к изданию книг, наконец, замечательные исследования читательских интересов. Но уже во второй половине 30-х годов все это было прекращено, исследования ненадолго возобновились в период хрущевской оттепели и снова были прочно закрыты в душливые годы брежневского застоя.

Государственное внедрение в массовое сознание представлений о фундаментальной ценности и необходимости чтения в соединении с литературными ориентациями самого общества было весьма результативно: исследования, проводившиеся в 70-80-е годы, свидетельствуют, что накануне распада режима литература и чтение принадлежали к числу фундаментальных ценностей, скреплявших общество, они возглавляли набор культурных приоритетов. В ответ на прожективные вопросы типа «Чем вы больше всего любите заниматься в свободное время?» или «Как бы вы использовали свое свободное время, если бы его у вас было больше?» почти 80% респондентов неизменно называли чтение. И хотя уже тогда реальный досуг был четко телеориентирован и свободное время тратилось преимущественно на просмотр телепередач — это почти полное единодушие в ответах «на престижность» разных форм культуры являлось свидетельством высокого ценностного статуса книги и чтения. Напомним также, что в эти годы почти 89% семей считали обязательным иметь дома книги, прежде всего — собрания сочинений классиков, демонстрируя тем самым свою верность литературной традиции, и это при том, что «достать» книгу в ситуации острейшего книжного дефицита было совсем не просто, а на черном рынке цена, например, на детектив была сопоставима со средней месячной зарплатой.

Таким образом, культ книги и литературы выполнял несколько важнейших функций — стимулировал чтение и книжное обращение и служил инструментом национальной идентификации и интеграции общества.

Суммируя опыт советских лет, можно сказать, что программа продвижения чтения и его популяризации представляла собой хорошо выстроенный и методически оснащенный механизм. Но идеологическая «начинка» этой машины заставляла ее работать во многом холостую, причем по мере приближения коллапса режима эта холостая «прокрутка» становилась все более очевидной. <...>

Распад режима и страны обернулся очередным обрывом культурной цепи. Вместе с политическими, экономическими и социальными институтами рухнула и вся схема организации культуры. Государство, столь долго и тщательно оберегавшее и контролировавшее сферу чтения, отказалось от своей монополии и ушло, оставив ее — в ситуации отсутствия меценатства, спонсорства и других форм негосударственного финансирования — по сути бесхозной и нежизнеспособной.

В запале борьбы с советской идеологией были разрушены не только те звенья литературной системы, которые оказывали на нее мертвящее воздействие, но и структуры, необходимые для цивилизованной организации книжной жизни. Из выстроенного механизма поддержки и популяризации чтения выпали важнейшие скрепляющие его звенья:

- ◆ сократилась сеть библиотек и началось беспрецедентное падение большинства показателей библиотечного обслуживания (число пользователей, охват населения, поступление книг в фонды);

- ◆ разрушилась централизованная система книжной торговли, на порядок сократилось число книжных магазинов, что практически лишило население «глубинки» доступа к книге;

- ◆ исчезли специализированные организационно-методические структуры, занимавшиеся разработкой и воплощением книжно-читательских программ;

- ◆ развалилась вся система информации читателей о книгах, разметки литературного пространства для широкой публики и экспертной рекомендации (журнальное библиографирование книжного потока, библиотечная рекомендательная библиография, книжно-литературные программы на ТВ и радио и др.).

Этот распад институциональных рамок чтения перевел его в режим «свободного полета»: с одной стороны, мы имеем ошеломляюще богатый книжный репертуар, способный дать новую жизнь и новое дыхание читательской культуре, с другой — читающая публика создает и продвигает свой собственный литературный бренд вне воздействия как государства, так и интеллектуальной элиты и в отсутствие привычных каналов литературной коммуникации.

Исследования последних лет, проведенные Фондом «Пушкинская библиотека» совместно с Центром Юрия Левады, свидетельствуют об уходе из книжной культуры значительных слоев населения и разрастании той части общества, которая не нуждается в чтении, довольствуясь более простыми формами культуры и коммуникации, прежде всего — ТВ. Постоянные читатели книг составляют сегодня четвертую часть взрослого населения страны (23%), а те, кто вообще не читает книг, — 7%. Если сопоставить эти показатели с приведенными выше данными конца 70–80-х годов прошлого века, то скорость регрессивных изменений становится очевидной.

Общая ценностная деструкция затронула и чтение, которое утратило свой престиж и перестало быть принятой обществом культурной нормой. Сегодня правомерно говорить о вытеснении литературы и чтения с «культурного подиума» и полном исчезновении литературного колорита советской эпохи. <...>

В этой деструктивной ситуации начинает создаваться в очередной раз новая культурная программа продвижения и поддержки чтения, идеологом и инициатором которой выступает теперь не государство и не культурная элита, но книжное сообщество. Свидетельство этого — возникновение общественных и некоммерческих структур, которые пока единичны, не имеют прочной финансовой поддержки и в ряде случаев слабы, но именно они берут на себя роль носителей новых концепций и форм социального партнерства. Это — Некоммерческий фонд «Пушкинская библиотека», Центр развития русского языка, Русская ассоциация чтения, Российский книжный союз и немногие другие.

Механизм продвижения чтения также обретает сегодня новые контуры. В первую очередь, это создание Фондом «Пушкинская библиотека» специальной сети — региональных центров чтения, которые являются координационно-методическими структурами, объединяющими интеллектуальные силы местного сообщества, образовательные и культурные учреждения вокруг книжно-читательских программ. Одна из задач центров — выработка стратегий и технологий поддержки чтения, придание этой работе статуса одного из важнейших направлений государственной культурной политики. Чаще всего они существуют в качестве подразделений в центральных библиотеках регионов, поскольку в ситуации продолжающегося разрушения культурной инфраструктуры библиотеки остаются единственным стабильным и устойчивым институтом, нацеленным на работу с книгой.

Центры чтения созданы сегодня более чем в 30 регионах страны и ориентированы на работу не только с пользователями библиотек и продвинутыми читательскими группами, как это сложилось в библиотечной практике, но со всем местным сообществом, с широкой публикой. Поэтому характерно их преимущественное внимание к проектам, адресованным малоквалифицированным слоям или населению городов и районов, отдаленных от областного центра, с ограниченными возможностями доступа к книге. Тенденция выхода за стены своих учреждений во многом тождественна практике «культурников» конца XIX века с их «хождением в народ» или программам первых советских лет, когда книгу необходимо было «выводить» на улицу. Этот возврат естественен в современной ситуации «потери» массовых слоев и «съезживания» пространства чтения. Сегодня это — красочные книжные фестивали и праздники книги, вовлекающие «людей улицы» в книжно-литературные «действия» (performances), книжно-литературные шоу, праздники «читательских удовольствий», без которых не обходится ни одна библиотека («Книжно-литературное шоу» в парке Красноярска, фестиваль

«Читающий город» в Нижегородской области, фестиваль «Литературная осень в Хакасии», «Книжный фейерверк» на площадке перед Ульяновской областной библиотекой). Мрачный революционный пафос массовых действий 20–30-х годов XX века сменился атмосферой книжного праздника, предназначенного показать людям не столько обязательность, сколько радость чтения.

В связи с распадом централизованной модели организации культурной жизни практически исчезли общенациональные книжно-читательские проекты, столь характерные для советской эпохи. Конкретная работа по продвижению чтения «ушла» в регионы, которые сами творят «свою» культуру. Заменой всесоюзных или всероссийских кампаний и движений стали масштабные региональные читательские программы, требующие объединения всех структур и поддержки администраций: Год детского чтения в Мурманской, Челябинской, Рязанской и других областях, программы «Читающий Баренц», «Читающая Орловщина», Владимирский фестиваль «Читающий город», «Дон читающий–2006» (Ростовская область) и др.

Естественным проявлением регионализации стал повышенный интерес к «своей» литературной истории и к «своей» книжной современности. Отсюда – повсеместное проведение региональных книжных ярмарок или создание литературных карт региона (области, района, города), представляющих в традиционном или электронном видах книжно-литературную географию родных для человека мест, а также такие программы, как «Краеведческое просвещение» (библиотека Ноябрьска) или литературная акция «Калининград – автопортрет на фоне юбилея».

Именно библиотеки, подтверждая неизменность своей функции медиаторов и хранителей культурной матрицы, стремятся заполнить образовавшиеся разрывы между «высшими» и «низшими» культурными слоями. Они возобновляют, хотя и в новом формате, традиционные для нас диалоговые программы творцов литературы и читательской аудитории. Это не только встречи с писателями в библиотеках, но и выход в «глубинку» – создание литературных бригад для поездок по отдаленным населенным пунктам («Литературный экспресс» в Калининградской области, «Литературный марафон» в Мурманской области, «Книга в пути» в Республике Коми). Особое место в этом ряду занимает проект «Духовный круг: встречи в провинции» Архангельской областной библиотеки, цель которого – организация встреч с писателями и деятелями отечественной и зарубежной культуры, являющимися образцами служения своему делу и нации.

Ценностная деструкция постсоветского периода, «обвальное» ниспровержение символов и авторитетов – процессы, разрушающие общество, – заставляют педагогов, воспитателей и пропагандистов книги искать своего рода противоядие – альтернативные модели жизни и поведения. Отсюда все большее распространение получают проекты, основанные на принципе «образца

для подражания», в качестве которого могут выступать любые авторитетные для тех или иных групп фигуры (звезды спорта, эстрады, кино, общественные деятели) или ближние и хорошо знакомые «свои» лидеры («свои» спортсмены, знаменитые жители города или «свои» сельские лидеры чтения). В этом отношении особенно характерны программы Мурманского центра чтения — «Читающий чемпион», «Читающий студент», «Читающий матрос», акция «Звезды светят всем», подхваченные другими областями и регионами.

Еще одно значимое отличие — соединение массовости и «точечной» работы с читательскими группами, стимулирование их инициативы, самостоятельности и творческого потенциала. Поэтому столь важным представляется широчайшее распространение читательских кружков, литературных объединений, ассоциаций, салонов, гостиных, клубов литературных консультаций, которые всегда существовали при библиотеках, но сегодня приобретают новый смысл: здесь читатели вырабатывают собственные формы участия в книжной культуре, все более уходя сами и уводя профессионалов от нормативной регуляции чтения.

Наконец, огромной и неведомой ранее областью стало использование новых электронных технологий в продвижении чтения — электронные путеводители по литературе, Интернет-сайты («Библиогиды»), читательские Интернет-конкурсы и дискуссионные клубы, ставшие широко распространенными формами информирования о книгах, рекомендации и обсуждения литературы. Об этой достаточно самостоятельной и новой области, не имеющей у нас исторических аналогов, но быстро развивающейся, уже существует обширная литература.

Деятельность центров чтения достаточно разнообразна и не сводима к нескольким мероприятиям. Конечно, они взяли на себя многие традиционные направления работы — презентации книг, встречи с писателями, выставки ценных книжных коллекций, региональные книжные выставки-ярмарки и другое. Но важно, что эти знакомые всем формы обретают новые черты, расширяются их рамки, возникают необычные формы диалога с разными культурными слоями.

Таким образом, сегодня мы возвращаемся если не к индивидуальным инициативам, определявшим продвижение чтения в дореволюционной России, то к неограниченной «инициативе мест», блокировавшейся советской системой или допускавшейся лишь в рамках общенациональных пропагандистских акций.

<...> Возможно, что поддержка чтения снова войдет в число общественных и государственных приоритетов и что на новом витке нашей путаной культурной истории в очередной раз начнется воссоздание публичного пространства чтения, в рамках которого будут формироваться его новые культурные смыслы и значения.